

Фабิโอ Мастранжело: «Любить, а не бояться»

Наталья КОЛЕСОВА. Фото из личного архива

Популярный дирижёр из Италии маэстро Фабิโอ Мастранжело уже давно обосновался в России. Гражданин обоих государств, он великолепно говорит по-русски, любит нашу музыку и привносит в её звучание южноитальянский «тон». Уроженец Бари, одного из самых жарких городов Апеннинского полуострова, живёт в Санкт-Петербурге. И смело разъезжает по стране, в которой разброс температур достигает 80 градусов – от минус 50 до плюс 30. «Надо не бояться, – говорит он, – надо любить».

Последняя рубашка

– С русским языком я познакомился ещё в детстве. Мама не разрешала мне играть в футбол холодной южноитальянской зимой, и я, восьмилетний, после школы и занятий фортепиано читал энциклопедию. Вытаскивая том за томом, обнаружил в одном из них русский алфавит. Не могу объяснить, почему, возможно, на интуитивном уровне, решил выучить буквы, потом начал складывать из них слова. И только спустя много лет, когда жизнь моя оказалась прочно связанной с Россией, я понял: это была рука судьбы...

На мой взгляд, русский и итальянский – самые приятные языки. Я до сих пор с трудом воспринимаю оперы на немецком. Наверное, это мой недостаток, но тут уж ничего не поделаешь. С точки зрения фонетики оперы, исполняемые на итальянском и русском, для меня идеальны. Кажется, в наших языках есть какие-то общие структурные закономерности. Возможно, поэтому я не испытывал больших трудностей, когда учил русский. Сейчас могу свободно читать по-русски даже стихи. Причём я заметил, что язык 50–60-х годов понимаю намного лучше, чем современный. Раньше люди говорили на более правильном, что ли, чистом языке. Вообще-то, это явление повсеместное. Самым «грязным» считается английский. И с русским сейчас происходит то же самое – он засоряется. Но в своей речи я стараюсь противостоять этому и не использовать сленг.

Постоянно в России я живу с 2002 года, но уже с конца 1990-х проводил здесь по три месяца ежегодно. Моя жена Олеся – русская. Она флейтистка, играет в оркестре Юрия Хатуевича Темирканова. А познакомили нас друзья, заочно, отправив Олеся ко мне в гости. Когда мы решили пожениться, я быстро распродал в Канаде, где тогда жил, дом, машину – всё «лишнее» и переехал в Россию. Конечно, желание поселиться здесь в первую очередь связано с Олесей. Но и с музыкой тоже. Когда я ещё и не думал о дирижировании, мне очень хотелось учиться в Советском Союзе. Однажды у нас в Бари гастролировал скрипач Виктор Третьяков. Я пришёл на концерт, написал письмо и попросил Третьякова передать его профессору Московской консерватории Евгению Малинину (у него учился пианист Иво Погорелич, которого я очень высоко ценю). Сомневаюсь, что то письмо дошло до адресата, но,

видимо, желание моё было таким сильным, что Бог его услышал.

Когда летом 1999 года я впервые оказался в Петербурге, там было 28 градусов тепла. Это так не соответствовало моим ожиданиям! На следующий год в конце мая, когда меня пригласили продирижировать несколько концертов, было необыкновенно холодно. Но я уже обзавёлся друзьями, которые выручили меня, снабдив тёплой одеждой. Кстати, это говорит о широте души. Дружить с русскими – то же самое, что дружить с итальянцами. И те и другие готовы ради друга на всё: рубашку последнюю отдадут, если потребуется.

Оркестр – инструмент дирижёра

Я попал в Петербург и сразу почувствовал: это мой город. Приехал на мастер-классы к великому Илье Мусину, но опоздал – профессор умер накануне. Однако мне всё равно хотелось участвовать в мастер-классах. Ведь для молодого дирижёра главная трудность – обрести связь с оркестром, научиться играть на своём «инструменте». Управлять им, понимать нюансы поведения, оттенки человеческих взаимоотношений. С самого начала я решил избавиться от актёрства в профессии. Кроме того, у меня всегда на вооружении правило одного моего педагога: не считать себя выше, образованнее и умнее оркестрантов. «Вы – коллеги, но они могут существовать без вас, а вы без них – нет», – говорил он.

Мне трудно выбрать между театром и симфонической музыкой. Обычно я говорю: предпочитаю то, что дирижирую сейчас. Сегодня у меня в Москве симфонический концерт с молодыми солистами – шикарным виолончелистом Сергеем Антоновым и гениальным скрипачом Никитой

Борисоглебским, а потом – три «Аиды» с Марией Гулегиной и её гала-концерт в Сеуле. Вот такой диапазон. Нагрузка – около 15 концертов и спектаклей в месяц.

Скоро 14 лет, как я живу в России. Уже не задаюсь вопросом: что я должен сделать, чтобы быть понятым? Наоборот, мне кажется, чем откровеннее – тем лучше. Всё равно если «стирать фасады», обнажатся общие чувства, страхи, амбиции. И когда даёшь понять, что ты такой же, как они, музыканты и певцы расслабляются и ощущают поддержку. Человеческий фактор в музыке остаётся для меня одним из самых важных. Язык музыки интернационален, и кто бы ни был перед тобой – капризная оперная примадонна или скромные провинциальные музыканты, для взаимопонимания даже слова не всегда нужны. Мне кажется, невозможно поставить оперу, если не общаешься с оркестрантами и певцами на равных. Лично мне это необходимо. Леонард Бернштайн, который является для меня большим авторитетом, всегда хотел, чтобы его любили, и стремился к этому. И мне, признаюсь, тоже это нужно знать о себе.

Мюзик-холлу – классику

Из русских композиторов мой самый любимый – Рахманинов, ещё с тех времен, когда я был пианистом. Став дирижёром, я открыл его симфонии, «Симфонические танцы», оперы, романсы. Есть мечта исполнить всё написанное им, и она постепенно осуществляется. Также люблю Прокофьева, Шостаковича. Мне очень близок Чайковский. В петербургском «Мюзик-холле» (надеюсь, название скоро изменится – оно совсем не соответствует действительности), которым я руковожу, в этом году мы играем его абонемент. В год 175-летия со дня рождения великого композитора на месте «Мюзик-холла» появился новый оперный театр, который мне хотелось бы назвать в честь Петра Ильича. Невероятно, но в Санкт-Петербурге нет ни одного музыкального учреждения, названного его именем. Между тем это весьма значительное имя для Петербурга. По-моему, отличное название – «Музыкальный театр имени П.И. Чайковского». А то ведь красивейшее здание в центре города – и вдруг какой-то мюзик-холл... Тем более что и наша репертуарная политика сильно изменилась: мы взяли направление в сто-

рону классики. Правда, есть и альтернативная идея – присвоить театру имя Фёдора Шаляпина, поскольку он был здесь постоянным солистом. Ну, думаю, в крайнем случае дадим имя Шаляпина нашему большому залу. И один из залов непременно посвятим памяти Елены Образцовой, уникальной женщины и певицы.

Недавно мы приютили у себя консерваторию, в здании которой сейчас идёт ремонт, со всем её репертуаром, а это «Травиата», «Царская невеста», «Так поступают все женщины», «Евгений Онегин». Мне же хочется ставить редко исполняемые оперы – такие как «Валли» Альфредо Каталани или «Манон» Жюльетты Массне. Сейчас ведём переговоры с Лозаннским оперным театром, где «Манон» ставил режиссёр Арно Бернар. Хорошо, что мы создали в театре оркестр – пока камерный, потому что денег на большой состав недостаточно. Но мы добавляем приглашённых музыкантов для постановки масштабных опер. Это обычная практика – например, как раз именно для спектакля «Манон» состав Камерного оркестра Лозанны был дополнен.

По месту прописки

Мы живём на Васильевском острове. Это место тринадцать лет назад выбрал я сам. Пока Олеся была на гастролях, выяснил, что на 7-й линии строится новый дом, и немедленно принял решение. Как человек импульсивный, сразу же внёс аванс, чтобы квартиру не купил кто-то другой. Этот район раньше считался неблагополучным, и жена даже испугалась, когда узнала о моём решении. Но сейчас здесь пешеходная зона и всё очень хорошо.

В семье мы говорим по-русски – в России так удобнее. К нашему сыну Стефану (ему пять с половиной лет) приходит учительница итальянского – русская девушка. Думаю, генетический код и природная музыкальность помогут ему легко говорить на обоих языках. Главное – чаще бывать в Италии. К сожалению, мы с женой всё время заняты – она гастролирует с оркестром Юрия Темирканова, у меня тоже напряжённый график. Хотя в этом году я почувствовал, что нужно всё-таки делать паузы. Недавно получил предложение из театра в Бари. На следующий год поеду дирижировать оперой. Пока неизвестно, что это будет – «Тоска» или «Турандот». Но я с радостью согласился и обязательно найду окно в своём плотном расписании. Работать в городе,

где родился, где живёт мама, куда я могу взять с собой сына, который безумно любит музыку, на весь период репетиций... Что может быть лучше?

Справка МИТ-инфо

ФАБИО МАСТРАНЖЕЛО – российский-итальянский пианист и дирижёр. Учился в Бари, Женеве и Лондоне. В 1996 году создал камерный оркестр «Виртуозы Торонто», который возглавлял до 2003-го. С 2001 года руководит международным фестивалем в Шайи-сюр-Армансон (Франция). В 2006–2013 годах работал в качестве консультанта по художественным вопросам в театре Петруцелли на своей родине в Бари. В России является художественным руководителем санкт-петербургского театра «Мюзик-холл», возглавляет оркестр «Санкт-Петербург Камерата» Государственного Эрмитажа и якутский Symphonica ARTica, постоянно сотрудничает с Новосибирским академическим симфоническим оркестром, Мариинским театром, «Новой оперой», а также участвует в телевизионном проекте «Большая опера».

Fabio Mastrangelo: “To Love not Fear”

Natalia Kolesova. Photos are provided by

MAESTRO FABIO MASTRANGELO, A POPULAR ITALY-BORN CONDUCTOR, HAS LONG SINCE SETTLED IN RUSSIA. A DUAL CITIZEN, HE IS PERFECTLY FLUENT IN RUSSIAN, LOVES RUSSIAN MUSIC AND GIVES ITS SOUND A SOUTHERN ITALIAN “TONE.” A NATIVE OF BARI, HE CURRENTLY RESIDES IN SAINT PETERSBURG. AND HE FEARLESSLY TRAVELS AROUND A COUNTRY, WHERE TEMPERATURES RANGE A WHOPPING 80 DEGREES FROM NEGATIVE 50 TO PLUS 30. “ONE MUSTN’T FEAR,” HE SAYS, “ONE MUST LOVE.”

The Last Shirt

“I became familiar with Russian language as a child, when I was reading an encyclopedia after school and piano lessons and discovered Russian alphabet in one of the volumes. Intuitively, I decided to learn the letters and then started making words with them. And it was only years later that I realized that it was the hand of fate...”

In my view, Russian and Italian are the most pleasant languages. In terms of phonetics, operas that are sung in Italian and Russian are ideal for me. I believe that our two languages have some kind of common structural patterns. Perhaps, that is why I never had any real trouble when learning Russian. I can now read fluently in Russian, even poetry. Moreover, I noticed that I understand the language of the 1950s-1960s much better than contemporary Russian. People used to speak in a more proper, purer language, if you will. Admittedly, though, this is a universal phenomenon. English language is considered to be the “dirtiest”, but Russian language is becoming dirty as well. I try to resist it and avoid using slang.

My wife Olesya is Russian. She is a flutist, she plays in Yuri Temirkanov's orchestra.

Our friends introduced us by arranging for Olesya to come visit me. Naturally, my desire to settle down here had to do primarily with Olesya. But also with music. I very much wanted to study in the Soviet Union even when I wasn't even thinking about conducting yet. When I came to Saint Petersburg for the first time in the summer of 1999, the temperature there was plus 28 degrees Celsius. This was so far removed from what I expected! The following year at the end of May, when I was invited to conduct several concerts, it was terribly cold. But I already had friends by then, who helped me out by providing me with warm clothes. Being friends with Russians is the same as being friends with Italians. Both are ready to give everything to a friend: they'll give away their last shirt, if needed.

An Orchestra Is a Conductor's Instrument

I came to St Petersburg and I instantly felt that this was my city. I came to attend the great Ilya Musin's workshops, but I was too late – the professor died the day before. Yet I still wanted to take part in the workshops. The greatest difficulty for a young conductor,

after all, is finding the connection with the orchestra, learning to play his “instrument.” To conduct it, to understand the nuances of its behavior, the shades of human relationships. I always follow the rule of one of my teachers: never to believe yourself to be better, more educated and smarter than orchestra musicians. “You are colleagues,” he used to say, “but they can exist without you, whereas you cannot exist without them.”

When you let them understand that you are the same as them, musicians and singers relax and feel supported. Regardless of whom you have in front of you – whether it be a whimsical opera diva or unassuming provincial musicians – you don't even always need words to be able to understand each other. I believe it isn't possible to stage an opera if you don't treat your orchestra musicians and singers as your equals. To me, personally, this is an essential point. Leonard Bernstein, who is a great authority of mine, always wanted for other people to love him. And I admit that I need that, too.

Classics for the Music Hall

I have a hard time choosing between theatre and symphony music. Generally, I say that I

prefer whatever it is that I'm currently conducting. Today I have a symphony orchestra in Moscow with young soloists – a wonderful cellist Sergey Antonov and a brilliant violinist Nikita Borisoglebsky, and then I have three “Aidas” with Maria Guleghina and her gala concert in Seoul. That's the kind of scope I'm dealing with. My workload is roughly 15 concerts and theatre performances per month.

My favorite Russian composer is Rachmaninoff, back from the days when I was a pianist myself. When I became a conductor, I discovered his symphonies, “Symphonic Dances”, operas, romance songs. My dream is to perform everything that he had ever written, and that dream is gradually coming to fruition. I also love Prokofiev, Shostakovich. Tchaikovsky is very dear to me. The St Petersburg Music Hall Theatre, of which I'm the director (I'm hoping the name changes soon, because it really doesn't reflect the theatre's true nature), is doing a season of his works this year. On the great composer's 175th anniversary, a new opera theatre was created in place of the Music Hall. I would've liked to name it after Pyotr Ilyich. It's hard to believe, but there isn't a single musical institution in St Petersburg dedicated in his name. Al-

though there is an alternative idea as well – to name the theatre after Fyodor Chaliapin because he was a regular soloist here. Perhaps we will name our large hall after Chaliapin. And one of the halls will definitely be dedicated to the memory of Elena Obraztsova, a one-of-a-kind woman and singer.

Recently we gave refuge to a conservatory, whose building is currently under construction. We took it in with all of its repertoire, and that means “La traviata”, “The Tsar's Bride”, “Cosi fan tutte”, “Eugene Onegin.” But I want to stage the rarely performed operas, such as Alfredo Catalani's “La Wally” or Jules Massenet's “Manon.” We are now in negotiations with the Lausanne Opera where “Manon” was staged by director Arnaud Bernard. It's a good thing that we created an orchestra in our theatre – a chamber orchestra for now, because we don't have enough money for a large staff. But we are adding guest musicians for large-scale opera productions. It's normal practice – for instance, the Lausanne Opera's Chamber Orchestra staff was actually supplemented for the production of “Manon.”

By Place of Residence Registration

We live on Vasilyevsky Island. I chose this place myself, thirteen years ago. While Olesya was away on tour, I found out that a new house was being built on the 7th line, and I immediately made a decision. That area used to be considered bad neighborhood, and my wife was even horrified when she found out about my decision. But now there is a pedestrian area here and everything is very nice.

We speak Russian in our family – in Russia, it's easier that way. Our son Stephan (he's five and a half) has an Italian tutor that comes to him – a young Russian woman. I think that his genetic code and innate musicality will make it easy for him to speak both languages fluently. The important thing is to visit Italy more often. Unfortunately, my wife and I are always busy – she tours with Yuri Temirkanov's orchestra, and I have a busy schedule, too. Although, this year I realized that I do need to take breaks after all. Recently, I received an offer from a theatre in Bari. Next year I am going to conduct the opera there. Working in a city where I was born, where my mother lives, where I can take my son, who adores music, for the entire duration of the rehearsals... What could be better than that?

ITI-Info reference

FABIO MASTRANGELO, who is Russian-Italian pianist and conductor, received his education in Bari, Geneva and London. In 1996 he founded the chamber orchestra “Virtuosi di Toronto” and has been leading it till 2003. Since 2001, he was a director of International Festival in Chailly-sur-Armançon, France. In 2006–2013 he worked as an art consultant for the Petruzzelli Theatre in Bari, his home town. In Russia, Fabio Mastrangelo is a principal conductor and artistic director of the St Petersburg Camerata State Hermitage orchestra, a principal conductor of the Symphonica ARTica orchestra of the Yakutia (Sakha) Philharmonic; on regular basis cooperates with Novosibirsk Symphony Orchestra, Mariinsky Theatre, Novaya Opera Theatre and TV project “Bolshaya Opera”(Big Opera).

Vasilyevsky Island